

Эпиграфика и карта

Картографирование эпиграфических данных важно для изучения истории средних веков, прежде всего социально-экономической, и особенно истории малоизученных стран (например, бирманское и кхмерское средневековые государства).

Картографирование эпиграфики — методический прием, предполагающий уменьшение вероятности искажения, возникающего при любом обобщении материала. Заключается он в том, что для одного из наименее искажаемых видов исторической информации — конкретных сведений, содержащихся в надписях (т.е. и отдельных фраз из надписей, и самих надписей), применяется простой и точный метод анализа — анализ пространственных закономерностей на основе установления их географического распространения по периодам. Для эпиграфики это сделать проще, чем для прочих видов письменных источников. Эпиграфика и датирована лучше, поскольку: 1) дата в принципе обязательна (для документов хозяйственного содержания, которые здесь в основном и исследуются) и в половине случаев она сохраняется; 2) надпись с несохранившейся датой обычно можно датировать палеографически с точностью до века, что достаточно при анализе социально-экономических процессов большой длительности.

В результате простейшие массовые события в обществе и его экономике получают точные пространственно-временные характеристики, в отличие от нарративных источников, где сообщения о таких событиях вплетены в канву текста и не имеют бесспорной пространственно-временной привязки; к тому же они там малочисленны и зачастую обобщены на основании отличных от наших принципов.

Метод заключается в разделении содержащейся в надписях информации на простейшие элементы, рассматриваемые как признаки того или иного типа социально-экономической организации; затем эти элементы порознь картографируются. Картографируются и сами надписи, выступающие как признаки такого явления, как политическая и экономическая жизнь государства в целом.

При анализе распределения в пространстве (или в пространстве по определенным временным этапам) решались следующие первоочередные задачи:

- 1) существовали ли в государстве или некоторой исторической области разные центры или нет;
- 2) если центров было несколько, то сколько их было и равны ли они по основным характеристикам;
- 3) места этих центров и географическая ситуация в каждом из них;
- 4) отличались ли эти центры по признакам;
- 5) как сменялся их список и границы во времени.

В результате мы выявляем в первоначальном виде специфику основных районов по многим признакам, а затем: а) составляем из значений этих признаков описание каждого района в сопоставимых терминах и понятиях (в том числе и социально-экономическое описание), б) проверяем при этом правильность первоначального выделения районов.

Полученные из сопоставления новые факты (точнее элементарные связи между фактами) не менее очевидны, чем исходные факты, поскольку являются простейшими и к тому же регулярно возникающими сочетаниями столь же бесспорных фактов. Это — новые исторические факты, «статистические факты», как писал В.И. Ленин. [Ленин, т.27: 142].

Преимуществом здесь является прямой переход от текста надписи к карте с ее точным языком: при этом наша гипотетическая интерпретация мало влияет на ход данного этапа исследования.

Предлагаемый метод «непосредственного картирования» элементов (признаков) простейшего исторического события позволяет читателю иметь дело с массовой исторической информацией, обработанной статистически. Это повышает надежность исследования и превращает набор фактов в данные, «допускающие проверку всяким грамотным человеком» [Ленин, т. 25: 245].

Рассмотрим результаты применения предлагаемой методики. К исследованию были привлечены все имеющиеся в распоряжении науки на сегодняшний день опубликованные материалы по эпиграфическим комплексам Камбоджи в VI–VIII вв. [Седес 1932–66] и сменявших друг друга монско-бирманских и бирманских государств XI–XV вв. на территории среднего течения реки Иравади [Дюрузель 1921].

Период конца V — рубежа VIII–IX вв. был для древних кхмеров временем ослабления и распада империи Фунань на враждующие небольшие образования, периодически объединяющиеся в южное и северное государства, впоследствии вновь собранные как государство Чэнла. В VIII в. оно вновь распадается, чтобы с 802 г. начать собираться в империю Камбуджадеша. В эти же века происходит смена ранних форм эксплуатации бесспорно феодальными отношениями [Деопик 1964].

Ответы на поставленные выше вопросы о числе центров и т.д. позволяют осветить важный вопрос о путях возникновения одного из крупнейших государств средневековья — империи Камбуджадеша, известной также как Ангкорская империя [Бриггз 1951; Седов 1960]. Конкретно, стоит вопрос о времени, путях и отчасти о причинах формирования центра империи в северо-западных районах современной Камбоджи, а не там, где он был до X в. и после XV в., после распада империи (в районе г. Пном-Пеня).

Ход анализа описан лишь отчасти, выводы частично будут даны в сгруппированном виде, частично приведены как примеры, так как предмет статьи показ методики исследования.

Будут рассмотрены следующие сюжеты: 1) общее распространение надписей V–VIII вв. и его связь с природными факторами; 2) то же, по этапам внутри указанного периода; 3) то же, в связи с теми или иными историческими процессами.

Сравнив площадь, покрытую надписями данного времени (схема 1), с картой распространения рисовых полей и лесов на конец XIX в. [Рюиссье 1931], мы видим, что она совпадает с наиболее удобными для земледелия районами. Сравнив же ее с зоной распространения надписей времени империи (IX–XIII вв.), видим, что последние уже занимают и районы, более близкие к горам и низовьям рек, т.е. менее удобные для земледелия. Все территории, освоенные в V–VIII вв., продолжали использоваться и в период империи, что говорит о стабильности сельскохозяйственных районов.

Основной район распространения кхмерской эпиграфики в V–VIII вв., т.е. основной район раздачи земель храмам — восточная из двух современных житниц страны, область между Великим озером и Меконгом — был таковым, исходя из экономических особенностей района, а не по воле монархов этих веков. Тот важный факт, что распространение дарственных на землю совпадает с основными земледельческими районами (а так бывало не всегда) вытекает из географических особенностей района, наиболее плодородного и до сих пор имеющего наибольшую плотность населения.

Лучшие земельные участки, отдаваемые храмам, располагались здесь первоначально выше уровня разлива Великого озера, лишь в VIII в., по мере роста обрабатываемых земель, появились надписи в зоне затопления, к северо-западу от исходного района. Их распространение показывает, что расширение обрабатываемых земель шло постепенно со стороны уже освоенных областей, где есть надписи и VII в.

Большинство надписей VIII в. расположено на самой границе зоны затопления, где редки надписи VII в.; земли здесь стали раздавать позднее, по мере освоения этих менее плодородных районов, что говорит о постепенном экономическом освоении будущего центра империи, предшествовавшем перенесению сюда столицы в IX в. Лишь в VIII в. были освоены и долины рек в районе Баттамбанга — второй рисовой житницы современной Камбоджи. Отметим, что более древние, но небольшие по площади северо-восточные земледельческие районы, прилегающие непосредственно к Меконгу — Лингапарвата и Самбхупура — так и не смогли достигнуть экономической мощи, достаточной для политической реализации их более древней традиций классового общества и государственности.

Чрезвычайно интересно сравнить плотность распределения надписей в двух не соседствующих древних кхмерских территориях: на юго-востоке, как мы будем называть древнейший из двух рисовых районов к востоку от Великого озера, и в бассейне реки Мун, в современном северо-восточном Таиланде. Покрытая надписями территория одинакова по размерам, а плотность резко выше на юго-востоке. Анализ типа ирригации рисоводства показал, что в бассейне реки Мун и до сих пор нет таких крупных орошаемых площадей, как на юго-востоке, а есть небольшие, изолированные. И хотя государственность здесь возникла по меньшей мере в VI в. н.э., развиться она так и не смогла, этот район почти никогда не был самостоятельным государством. Единственный удобный для ирригационных систем участок — долина самой реки Мун — очень узок и не компактен.

В результате сопоставления можно сказать: а) вся зона надписей — зона интенсивного рисоводства; б) вся зона надписей — зона ныне безлесная, отчасти с «неплотными» вторичным (после пашни) лесами, и лишь чуть-чуть это зона затопления; в) надписи имперского периода покрывают и зону ранних надписей, что говорит о всесторонней преемственности по отношению к Фунани.

Вся зона ранней государственности, основанной на поливном рисоводстве — это зона отметок 0–200 м; даже небольшие возвышения уже отделяли обрабатываемые земли одного рисоводческого района от другого. Постольку государства основывались именно на рисоводческих районах, то эти, стратегически ничтожные высоты, уже разделяли их. Даже внутри раннесредневековой Камбоджи они создавали различия; четко видны два района — ближайшее левобережье среднего Меконга и бассейн восточной части Великого озера и реки Тонле-Сап; лишь ниже по течению все смешивается близ бесчисленных рукавов Меконга (сам он, как видно, роли не играл). Совершенно отдельно существовала долина реки Мун, отделенная от основной, южной массы не только горами Дангрена, но и «плотными», ни разу не вырубавшимися человеком лесами [Рюиссье 1931]. Связей здесь практически не было.

Хочется отметить также, что вся Фунань и Чэнла [Деопик 1964; Бриггз 1951], в отличие от империи, расположены в зоне осадков до 1500 мм [Тат-Ким-Хуон 1959], что также говорит об экономической мотивированности границ этих государств.

Об этой же говорит и распределение сельскохозяйственно используемых земель в позднесредневековой Камбодже; на левобережье Меконга так не возникли крупные рисовые поля, нет их и к западу от Баттамбанга [Рюиссье 1931], между ним и тайскими долинами широкая полоса лесов. Аналогичные данные получены и из анализа плотности населения к моменту первых переписей, не обусловленной еще спецификой колонизации. Самая большая плотность в исконных районах юго-востока [Тат-Ким-Хуон 1959].

Рассматривая схему 1, видим, что каждый век дает свою специфику: VI в. — выявились два основных исходных района — юго-восток и восточная часть долины реки

Мун; VII в. — началось расширение на север от долины реки Мун, а также расширение в сторону Великого озера; соединились долина Мун и Юго-восток. Территория исходных районов VI в. подтверждена более массовик надписями VII в. и несколько расширилась по периметру, что отразило постепенное естественное расширение обрабатываемых земель. VIII в. — расширение территории недавно освоенных районов (только о них и рассказывают надписи) на северное побережье озера и на запад от него, т.е. на будущий имперский центр. Помимо этого важнейшего события, подтвержденные новыми надписями территорий, тянувшихся на север и по долине Мун. И, что весьма примечательно — нет дарений земель на «старой родине», на Юго-востоке. То ли земли были исчерпаны, то ли их берегли, но дальнейший рост земельных владений духовных феодалов, сильнейшей группировки кхмерских феодалов, стал здесь невозможен; отныне основные дарения — в районе будущей столицы империи Яшодхарапуры, хотя основана она якобы была случайно и 100 лет спустя, если верить обобщениям и рассказам тех же самых кхмерских надписей [Finot, 1915]. На этом примере хорошо видно различие методов и преимущество одного из них.

Основные выводы. 1. Анализ эпиграфики дал новую грань в социально-экономическом развитии; принципиальным рубежом была не середина VI в., когда мятежные феодалы разорвали на клочки империю Фунань, а начало VII в., когда начинается массовая раздача земель духовным феодалам, знаменующая собой новый этап социально-экономического развития страны; о начале этого этапа совпадает появление нового государства, преемника Фунани — Ченлы.

2. Все надписи найдены в безлесных зонах, с интенсивным рисоводством, очень редко — во вторичных лесах, почти никогда в затопляемой зоне и никогда — в первичных лесах. Это дает все основания утверждать, что они отражают и древнюю картину распространения зон интенсивного земледелия.

3. Основой империи Фунань были основные рисопроизводящие районы, а ее более северные противники — Ченла Земли и Самбхупура опирались на малоразвитые районы.

4. Расцвет империи Камбуджадеша начался после освоения западной «корзины с рисом» — района г. Баттамбанга и р.Сиём-Реап.

5. Такие княжества, как Балодитьяпура, расположенные вдали от районов интенсивного рисоводства (т.е. вдали от мест основных скоплений надписей), были экономически слабыми и как собиратели страны — малоперспективными.

6. Районы интенсивного рисоводства не были связаны с зоной затопления, так как они есть и вне ее и в ней.

7. Столицы средневековой Камбоджи находились только в зонах интенсивного рисоводства или, во всяком случае, в безлесных районах.

8. Все столицы — на грани зоны затопления, видимо, все они (кроме самых ранних) были отчасти портами.

История VI-VIII вв. показывает, как велся «интенсивный поиск» новых земель, как отпали после «проб и ошибок» Лингапарвата, Самбхупура, Баладктьяпура и выросла Яшедхарапура, центр уже сложившегося земледельческого района.

В XI-XIV вв. на территории Бирманского союза сложилась и распалась аграрная империя Паган [Luce, 1969; Можейко, 1967, и др.], во многом схожая с Камбуджадешей и также — многоцентровая.

В отличие от предыдущего примера здесь будет дан анализ не только распределения самих надписей, но и простейших элементов их содержания. Надписи — в

основном дарения духовенству земель, зависимого населения, движимости. Документы о дарениях возникли и пережили расцвет и упадок в течение пяти веков – XI-XIV вв. [Duroiselle, 1921]. Основные сопоставляемые на основе анализа нами этих надписей районы: Паган – центр империи и Чаусхэ – ранний этнический центр бирманцев [Деопик, 1972] (схема № 2).

Рассмотрев объем дарений, отвечающий количеству надписей, видим общую тенденцию – падение числа дарений в Пагане и рост в Чаусхэ. В начале имперского периода I число дарений в Пагане растет, в Чаусхэ – падает. Затем идет переходный период II, далее – период преобладания в дарениях на севере, т.е. в Чаусхэ, фактический конец империи период III. В послеимперский период наблюдается падение дарений (при преобладании севера).

Здесь и далее будет идти сопоставление двух групп фактов, выделенных по четкому формальному принципу – географическому. Именно совместная (в пространстве) реализация превращает каждую группу фактов в некое естественное единство, которое мы описываем и изучаем. Мы получили механизм сравнения не вообще, а двух конкретных реальных общностей. А всякое системное сравнение дает возможность хорошего описания.

Анализ распределения надписей указывает на существование двух основных очагов: район Пагана и область Чаусхэ. Эти районы расположены достаточно далеко друг от друга [Можейко, Узянов, 1973] и были политических противниками. Это и определило противопоставление при их рассмотрении.

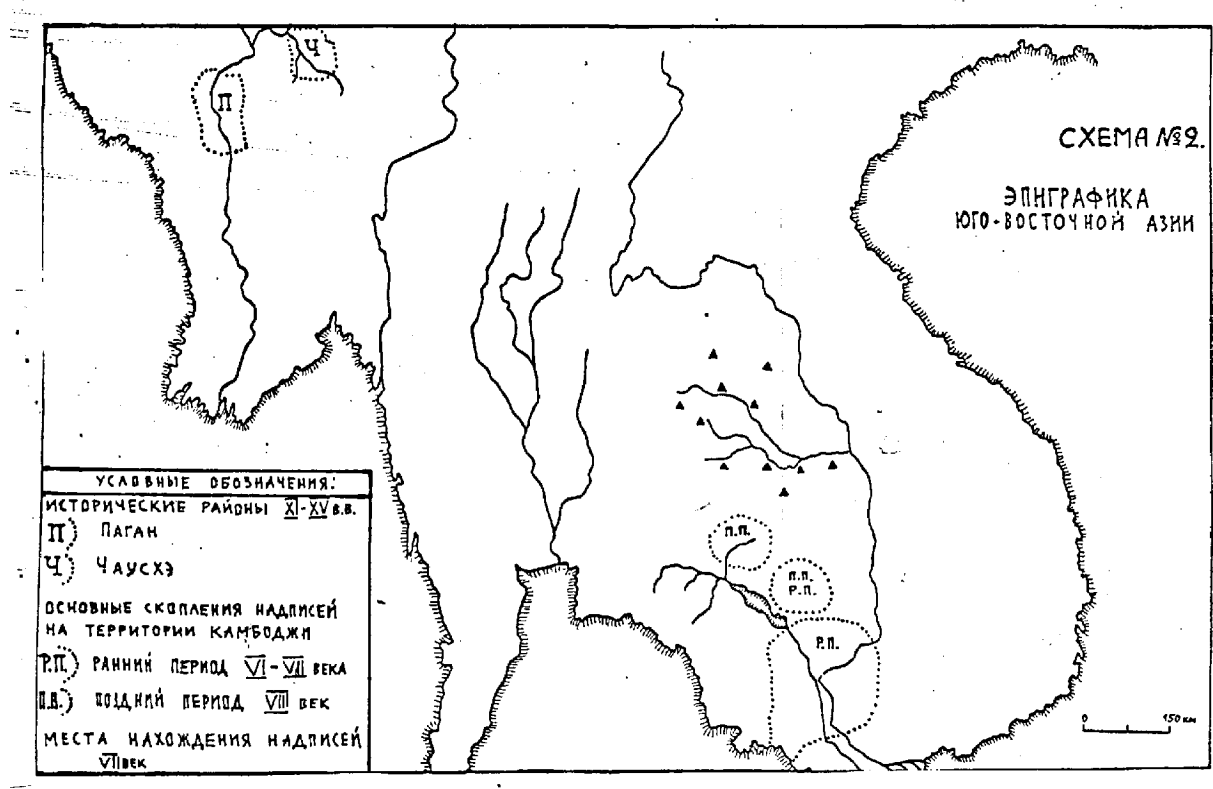
Оригинальные надписи (не средневековые копии) собственно Пагана и собственно области Чаусхэ

период	годы	Собственно Паган		Собственно Чаусхэ		Σ Общее	Σ периода	% общего от периода		
		Место по численности	М	п	М					
I	044-287	13	I	4	V	17	2	35,3	92	
I	288-325	5	II	5	I	0	4	3	5,5	75
I	326-356		V	8	4	5	5	8	6,9	80
V	357-495	5	I	3	8	28	1	39	1,2	92

Всего:	40	4	95	4	,0	89
--------	----	---	----	---	----	----

Указанные центры исчерпывают более трех четвертей эпиграфики и могут рассматриваться как основные; данные по ним, с небольшими дополнениями с непосредственно соседних территорий – основные.

В чрезвычайной концентрации духовного, а тем самым и государственного землевладения – одна из особенностей государств Юго-Восточной Азии, с их гипертрофированной ролью экономического и политического ядра в противовес разделенной периферии; в основе этого противопоставления лежит наличие только в этих ядрах развитых ирригационных систем, как это было вокруг Пагана и в области Чаусхэ

Начнем с анализа распространения надписей как имущественных документов, но без анализа их содержания.

1. Видна общая тенденция – падение объема дарений в Пагане и рост их – в Чаусхэ. При этом общее число дарений в Пагане гораздо больше, особенно на раннем этапе; в Чаусхэ преобладание наступило в период упадка самого явления.

1.2. Рассмотрев более дробные отрезки-периоды, увидим:

а) в период I – доля Пагана расчет, доля Чаусхэ падает. Это значит, что в центральных районах (Паган) земельный фонд государства (т.е. земли самого монарха и свободных крестьян-налогоплательщиков и близких к ним групп) сокращается интенсивно, а в Чаусхэ - почти не сокращается;

б/ период II – переходник, в Пагане еще дарят много, но уже меньше, чем ранее, а в Чаусхэ начинают увеличивать число дарений;

в/ в период III – оформление центра государства в Чаусхэ определило начало полосы частых дарений (с учетом общей тенденции к сокращению их объема), весьма значительных по процентной доле в общем объеме дарений;

г/ период IV (время империи Ава) – в Чаусхэ сильное преобладание в процентной доле, оно сохраняется до конца периода без изменений, отражая возникновение и закрепление новой ситуации.

2.1. Анализ более частных таблиц дал ряд важных закономерностей. В начале эпохи усиливается роль земельных раздач в непосредственной близости от столицы, в узком собственно паганском районе, в ущерб даже ближайшим к нему. Исторически и экономически это легко интерпретируемо и отличает, по географическим закономерностям, эпоху империи Паган как от истории переходных периодов II и III с их многоцентровостью, так и от истории сравнительно централизованной, но иной по типу отношения к духовному землевладению империи Ава. В период IV собственно Чаусхэ не стягивало к себе объем дарения как это делал район Пагана, его доля стояла приблизительно на одном уровне, со слабой тенденцией к увеличению. Это – естественно, поскольку в период подъема дарений духовенству этот процесс ярче всего был выражен в основном районе государства, а в период упадка дарения перестало быть знаком высокого престижа.

2.2. Период II был ключевым с точки зрения процесса переkreщения центра государственности и центра дарений духовенству на Северо-восток. Это было время соперничества и вооруженной борьбы центра (Пагана) и Чаусхэ, которые можно проследить и по особенностям географического распределения и эпиграфической информации.

3.0. Рассмотрим географическое распределение некоторых элементов, содержания надписей.

3.1. Остановимся на субъектах дарений. В Пагане много дарили: 1) родственники монарха, образовавшие за 300 лет существования деспотической империи при монархе нечто вроде прослойки крупных неслужилых феодалов (они могли и служить); 2) «простые люди», чьи дарения типичны для конца периода Пагана I; это – средние слон, заинтересованные в укрупнении центральной власти монарха и связанного с ним духовенства.

В Чаусхэ дарили в основном крупные феодалы (47,0%), а родственники монарха и «простые люди» – в несколько раз меньше, чем в Пагане.

3.2. Заметны различия в составе получателей. В переходный период исторически «перспективная» группа получателей – монастыри, преобладающая в середине и во второй половине эпохи, сильно обогнала по процентной доле «архаическую» пагоду; монастыри в Чаусхэ получают вдвое больше даров, чем пагоды. Вдвое меньше здесь и даров клиру, что говорит о како-то новой религиозной ситуации в Чаусхэ; возможно, это связано с упоминавшейся в хрониках религиозной борьбой XIII–III вв.

3.3. Рассмотрение в том же периоде II объектов операций и самих операций также указывает на различия районов. В Чаусхэ втрое больше нового религиозного строительства. Если архаичные формы культовых комплексов – пагоды строились в Пагане с той же частотой, что и новая форма – монастыри, то в Чаусхэ монастырей строилось вчетверо больше, чем пагод. Если же сравнить число монастырей, построенных в периоде II в Чаусхэ и в Пагане, то в Чаусхэ их было построено в 8,5 раз больше (!).

3.4. Обращаясь к числу различных операций в сравниваемых районах во второй половине эпохи, после падения империи в конце XIII в., видим, что в Чаусхэ почти вдвое

чаще дарили земли и в пять раз больше строили, чем в Пагане; это оценивает и политику и экономические возможности северо-восточного центра. Учтем, что при этом доля дарений в Пагане выше (так как там почти не велось строительство), но число дарений – много меньше, чем в Чаусхэ, куда были перенесены столицы в XIV-XV вв.

Что преобладает в округе г. Пагана, переставшего быть центром империи, так это «восстановление» – вчетверо чаще, чем в Чаусхэ; это, естественно для старого исторического района, где в конце периода I имели место большие разрушения. Архаичность, меньшую «феодалность» Пагана можно наблюдать и применительно к храмовым рабам. В Пагане эта архаическая группа населения упоминается как объект дарения гораздо чаще (18,7% против 7,5 % в Чаусхэ).

Несмотря на незаконченность исследования географии надписей, уже сейчас можно сделать по крайней мере два принципиальных вывода: 1) все сопоставляемые явления есть и в Пагане и в Чаусхэ, таким образом – это социально близкие центры, сравнение которых правомерно. Сравнение показывает устойчивое различие этих центров по ряду признаков, причем первый из центров, более ранний – Паган – выглядит более архаичным, а более поздний – Чаусхэ – более развитым. Отсюда следует чрезвычайно важный вывод о том, что в социально-экономическом отношении период господства долины Чаусхэ уже с бурных периодов II и III был следующим шагом вперед в социально-экономическом развитии феодального бирманского общества, а не регрессом, наступившим вследствие разрушения высокой паганской цивилизации полудикими шанами, вторгшимися в Чаусхэ, как считал И.В. Можейко [Можейко, Узянов, 1973] и ряд более ранних авторов. Наоборот, с самого начала долина Чаусхэ выступает как преемник и продолжатель социальных традиций империи, на новом, более высоком уровне; период политических потрясений конца XIII – первой половины и середины XIV в. был в социально-экономической сфере временем формирования к победы нового вида феодальных отношений, укрепившегося в империи Ава впоследствии, что же касается влияния архаичных шанских институтов, то оно не ощущается, как не ощущается, при более близком знакомстве с материалом, влияние шанов и в политической жизни этих десятилетий; само шанское происхождение знаменитых «шанских братьев» вряд ли может быть доказано документально и скорее всего принадлежит к многочисленным выдумкам хронистов XVII-XIX вв. [Luce, Pe Maung Tin, 1929].

Таковы некоторые итоги применения метода непосредственного картографирования, говорящие о перспективности этого метода.

Литература

Деопик Д.В. Народная хронологическая традиция как исторический источник (по материалам средневековой Бирмы), сб. «Математические методы в исторических исследованиях», М. 1972.

Можейко И.В. 5000 храмов на берегу Иравади (Паганское государство XI – XIII вв.), М. 1967.

Можейко И.В., Узянов А.Н. История Бирмы (краткий очерк). М., 1973, стр. 83-63.

Luce, G.H., *Old Burma – Early Pagan*, V.I-3, New York, 1969.

Luce, G.H., Pe Maung Tin, *The Glass Palace. Chronicle of the Kings of Burma*, a translation of the earlier parts of the Hmannan, Yazawin, London, 1929.

Sdok Ran Thom, l'inscription du, éd. L.Finot, *Bulletin de L'Ecole française d'Extrême – Orient*. v.XV, II, 1915, p.53-106.

Доклад зачитан на заседании Комиссии этнографии 25 ноября 1973 г.
Опубликовано в «Карта, схема и число в этнической географии», М. 1975